

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ДУХОВНЫХ ГОРИЗОНТОВ

Мировоззренческое образование предполагает концептуальную диагностику неких предельных ракурсов экзистенциального самоопределения. Продуктивность философского смыслополагания невозможна вне прояснения тех «личностных позиций», которые возможны (и желательны) для человека, в качестве персоны и персонажа социальных квалификаций. Балансируя на границах быта и бытия, событийно обустроивая своё присутствие в Мире, «повседневный человек» имманентно диверсифицирован в своих мировоззренческих ориентациях между Сциллой утилитарного благополучия и Харибдой неконформистской пассионарности. Особую бытийную тень отбрасывает на человеческое существование «корпоративная парадигма», привязывающая его к «локальным» профессиональным нишам и духовным сценариям. В этой связи, философская номинация и осмысление фундаментальных векторов личностной аутентичности оказывается весьма актуальной. Через своеобразную репродукцию веберовского «отнесения к ценности», можно попытаться задать мировоззренческое повествование об определенных «идеальных типах» и «карикатурах» человеческой самобытности. Тем самым будут экспонированы экзистенциальные лейтмотивы человеческого существования, вербализованы их латентные дихотомии.

В силу того, что мировоззренческий пафос философского образования изначально ориентирован на мыслеобразное моделирование «абсолютных смыслов» всего Сущего, возникает естественный вопрос об «исходных претендентах» на подобный ценностный статус. К числу таковых традиционно относят Истину, Красоту и Добро. Уже со времён Платона им делегированы бытийные полномочия «ипостасей Блага» и ценностных доминант. Практически в любой философской конструкции Истина, Красота и Добро очерчивают собой территорию «критериальных оснований» оценки и прогнозирования Сущего. Порой, в режиме «от противного». Даже постмодернистская экспансия с её покушением на «бытийные миражи абсолютов», вынуждена бороться с последними, в лингвистике подпольных оглядок на (взыскиваемые человеческой витальностью) «инвариантные видимости» Абсолютного. Таким образом, в процессе философской герменевтики ценностных миссий Истины, Красоты и Добра опредмечивается возможность артикулировать смыслжизненные измерения и духовные практики наших мировоззренческих предпочтений; эксплицируется содержательная неоднородность «личностных вселенных» и резонансных им поведенческих императивов.

Если в качестве «базовой сверхценности» человеческого самоопределения мы возьмем аксиологию Истины, тогда перед нами проступит «лик Ученого», почти библейски взывающего к себе с сакраментальным призывом «**Познай Истину и Истина сделает тебя свободным**». Ученый ангажирован поиском «истин бытия», как духовных дубликатов «сути сущего». Красота и Добро выступают в «его Мире» в виде дополнительных «свидетельств истинности»; знамений верности траекторий избранного поиска. Истина прекрасна своей подлинностью «тому, что есть на самом деле». Она конгениальна «добротности Разума», способного проникать в недра естества щепетильным скальпелем «бескорыстного интереса». Истина есть высшая добродетель, ибо она адресует человека к этической взволнованности

и эстетическому восхищению глубинными таинствами бытия и смысла. *Alter ego Истины для Ученого всегда оказываются «ложь» и «заблуждение», как её преднамеренное и невольное искажения. Ложь безразлична и безобразна во всех своих проявлениях, она кощунственно прагматична, девальвирует усилия человеческого духа открыться прозрениям сущности. Заблуждение же представляет собой «солнечное затмение» разума в лабиринте тематических гипотез и методологических арсеналов мысли.*

Однако, когда в поисках Истины Учёный отбрасывает Красоту и Добро в ранге неотъемлемых размерностей самой Истины, он лично деградирует в **«корпоративную личину научного работника»**. Этот человеческий фигурант рассматривает Истину как сферу зарабатывания средств к существованию, безотнositельно к галилеевскому самопожертвованию перед лицом инквизиции утилитарных искушений. Истина редуцируется в технологическую анонимность «атомной бомбы», изуверски радующей своей «взрывающейся красотой» и оглушительными последствиями. Она становится разновидностью «манхэттонского проекта», значимого самого по себе и рафинированно аннулирующего любые нравственные сантименты.

Мир «теоретических артефактов» пожирает человечность своего творца. «Профессиональный кретинизм» (Маркс) наёмных работников «от науки» начинает плодить «одномерные типаж» беспринципных интеллектуалов. Человеческая сущность scientistически нищает в своей злокачественной гордыне вешать от имени и по поручению «научной дидактики» оскoплённого духа. Наукоцентризм, как версия бытования «чистого Разума», наталкивается на подозрение в том, что «наука знает истины, но не знает... Истину» (Бердяев). Фактически, «научный мир Сущего, как оно есть», мировоззренчески аботирует ценностные измерения «возможного» и «должного», отбрасывая их на периферию духовных запросов. Между тем, эти фокусы реализации бытия представляют собой граничные условия самой «человекоразмерности Сущего». Философия, устами Иммануила Канта, давно и настойчиво напоминала о необходимости приобщать человеческую субъективность к эстетической «способности суждения» о Красоте и «метафизике нравственных ригоризмов».

В том случае, когда человек мировоззренчески предрасположен к поискам эстетических проектов «возможных миров», выводящих его за пределы сбывшегося настоящего и очерчивающих, посредством «продуктивной способности воображения», пространство художественных «произведений и домыслов неочевидного», рождается осознание того, что «Красота необходима человеку, чтобы... не умереть от истины» (Ницше), обезличенного научным дискурсом, мира. **На бытийной авансцене появляется «Художник», центрирующий человеческое бытие на ценностях премудростей прекрасного.** В мире «обликов Красоты» Художника начинают бытийно превалировать и культивироваться зверсты незаинтересованного любования Сущим, в его глубинных синергетических эффектах и тенденциях. Художник учиняет искусные мыслеобразные эксперименты с различными текстурами сочиняемых данностей, ради детективной интриги «возможного Смысла». Проигрывается виртуальная разноплановость человеческого взора, поселяющего себя в неординарные и пограничные смысловые замыкания. В тоже время, Истина и Добро ограняют художественный п(о)сыл совоёстью конечной достоверности и гуманистической редукцией к человеческому достоинству.

Искусство же ради искусства, рафинированные забавы витийствующей всеядности, склоняют художественную креативность в плоскость эстетствующего снобизма. Безобразное и Безобразное изымаются из реестра «запретного плода» и наделяются духовным содержанием. Они провозглашаются столь же «эстетичными», как и прекрасное. Манифестируются смакование гендерных перверсий и гедонистических грехопадений в безответственность дьявольских соблазнов. Святость и святости осмеиваются в качестве триллеров эсхатологических философий, узурпировавших человеческого дух мрачными картинами нужды и несвободы. Отныне «истинны» любые «Видения» бытия и его духовных отражений. Отныне «добродетельны» любые аберрации моральности, если они «эстетически декларированы» в концептуальной софистике «художественного гения».

Причудливым и парадоксальным образом элитарствующий эстетизм транслируется в абсурдные недра бытия, придавая последним «художественное оправдание». Начиная с ирригивных фривольностей и поэтических провокаций, типа, «Я люблю смотреть, как умирают дети» (Маяковский), и, вплоть до «платных экскурсий» в зону «антигеростратической операции» (современная Украина), с волнующей возможностью «красиво поохотиться» за «недочеловеками инакомыслия». Перед нами нравственно обесточенный «творец», бесполой «человекобог», истинный ариец порочного вольнодумства, стенографист самодостаточного хаоса. Комментарии излишни, ибо «продолжение следует...».

Как известно, на всякого мудреца достаточно простоты, а в юнговской «тени» Моцарта таится личина безблагодатного Сальери. **Художник всегда потенциально минорован «выкидышем ремесленника»**. Как и «научный работник», применительно к Учёному, «ремесленник» представляет собой превращённую бытийную транскрипцию Художника, ибо ориентирован не столько на творческие высказывания евангелий Красоты, сколько на расширенное воспроизводство «технических имитаций» бывшего и кичеобразных по(д)делок массового вкуса. «Вкуса», лишённого духовной глубины и объёмности, игнорирующего трепет возвышенного и антиномии трагикомического. *Ремесленник – это трудоголик «поверхности» и «поверхностности»; лукавый исполнитель «чего изволите» премудрый пёскарь рыночных сиюминутностей; мастер эстетических пародий «красивого».* Истина и Добро «непосильны» ремесленнику, по причине их духовной абсолютности, не допускающей релятивизма душевных конъюнктур.

На финишной прямой наших построений маячит ещё один системообразующий персонаж, которого можно было бы условно именовать «Праведником». Праведник исходно захвачен Добром, как высшей ценностной инстанцией. Добро осмысливается им в контексте Личностей и Поступков, где «личностность» отсылает к бытийным статусам человеческого духа, а «поступки» выступают «свидетельствами» и критическими испытаниями реальной подлинности «человеческого» в Человеке.

Праведность детерминирована самостоянием человека перед лицом Зла и Равнодушия, как двух её самоубийственных антиподов. Зло беспринципно воинственно, адски безобразно и гротескно неистинно. Оно гордынно «произвольно» и мнительно «завистливо». Зло аннигилирует человеческое общежитие; геростратовски упивается деструкцией «истинной красоты»; потакает горгонам пропащей соблазна; атакует духовность сонмами псевдодобродетелей «пользы и «целесообразности». В свою очередь Равнодушие потакает экзистенциальной безличности и бытовому сибаритству атараксии лени. Нирваническая безучастность к нравственной обеспокоенности несовершенствами бытия отчуждает человека от моральной активности ответственного должествования. Человеческое существование оказывается в плену «несовершенного Добра», заполняется миазмами личностных капитуляций. Равнодушие балансирует и зыбится, на едва ощутимых склонах, назревающего злодейства, символами которого выступают «толпа» и одержимость «измами» идеологий. Толпа вбирает в себя людей, сдавшихся равнодушию собственной «ничтожности» и одержимых бессознательным желанием прислониться к «алиби подвернувшейся корпоративности». Человек окончательно и добровольно самоликвидируется в качестве уникального феномена бытия.

Бытийным визави Праведника оказывается Моралист. Моралистическая философия жизни основана на подмене духа Добра фарисейской буквой словарного подстрочника. «Пусть погибнет Мир, но (вос)торжествует справедливость», – патетически глаголет моралист. Он готов «жертвовать»... Другими, ради «принципа», исходя из «праведного гнева» на всех тех, кто мыслит «должное» событийно, в контексте культурологии персонального подвижничества. «Слезинка ребёнка» не для моралиста. Его ригоризм похлеце кантовского. Борьба Добра и Зла, смятения морального выбора, антиномии рассудка и совести ему неведомы и неинтересны. Моралист обитает на пьедестале безаппеляционного всезнания, с высот которого высокомерно и нисходительно оценивает и осуждает «чужую» судьбоносность. Он не хочет осознавать того, что человеческая

добродетельность свершается каждый раз, вновь и заново, в процессе нетривиального исполнения человеком своей самобытности, перед лицом смертности, временности и конечности собственных оснований! Точнее, вопреки их гипнотическому порабощению!

Так как **Добро всегда имплицитно метафизику свободы и справедливости**, Праведник принципиален в отстаивании данных резонансных добродетелей. В связи с этим, можно выделить несколько «культурно-исторических объективаций» праведного бытия и синхронных им «философий истинного поступка». **Античная эпоха завещала человечеству архетип «героя»**, который бросает вызов роковым предисловиям Судьбы и, невзирая на её «ахиллесову пяту», стремится *бытийствовать так, как если бы он был «свободным» в выборе своего предназначения*. Стоический героизм сизифова бунта живописует автаркию человеческого достоинства и жертвенность свободного самоопределения индивидуальной личности. **Религиозное сознание «житийно» живописует экзистенциальные опыты «страстнотерпца и святого»**, обуреваемого кротким восстанием умопить Творца «отменить катастрофу ада» для всех своих «тварных чад», сколь бы грешны они не были. Ведь ад – это «поражение Бога» и потому, наделённый божественной свободой человек, должен, «по-справедливости», аккомпанировать Богу свою праведностью, как свидетельством человеческой озабоченности несовершенными «упражнениями в свободе». Наконец, в эпоху «постиндустриальной современности», категорическим императивом моральной человеческой уникальности, становится **подвижническая драма непрерывного усилия воссоединять Истину, Красоту и Добро в органике духовной осмысленности и щепетильно-скрупулёзной личностной ответственности за целостные поведенческие акты «превращения должных состояний бытия»**.